

Сводня уставилась на кольцо из кошачьего глаза у него на большом пальце, глаза ее округлились, и она, закивав, поспешно отступила:

— Ах, раз уж вы сюда пожаловали, господин, не притворяйтесь скромником. Я сейчас, сейчас всё устрою...

— Я сказал, не надо. — Сяо Ду повысил голос, и его взгляд, острый как стрела, заставил женщину содрогнуться. Она растерянно посмотрела на меня. Мне нечего было добавить, я лишь велел ей привести Бай Цзи и жестом отпустил.

Когда сводня удалилась, я спросил его:

— Ты же на улице подолгу разглядывал ту цветочную фаворитку? Почему теперь отказываешься? Боишься, что я посмеюсь над тобой?

Лицо Сяо Ду оставалось хмурым. Он отвернулся к окну, пальцы на столе сжались в кулак, челюсть напряглась.

— Я смотрел на ту женщину, потому что вспомнил мать. Говорят, она когда-то тоже была здесь цветочной фавориткой.

Я невольно опешил, лишь тогда вспомнив, что его мать была простой танцовщицей. Я задел его больное место.

Я никогда не умел утешать, потому решил свернуть с опасной тропы:

— Ладно, не надо так не надо. Может, послушаем музыку?

Сяо Ду кивнул, налил вина, отпил, и лицо его слегка просветлело. Он прищурил узкие глаза, бросив на меня взгляд:

— То, о чём вы, дядя, говорили ранее, я понимаю. Меня не нужно учить. Если не верите, можете сами... попробовать.

— А? — Я не сразу сообразил, но, поняв, едва не поперхнулся вином. С трудом сглотнув, я закашлялся, а Сяо Ду «с пониманием» встал и принялся похлопывать меня по спине.

— Дядя, пейте помедленнее. Смотрите, всё лицо покраснело.

Я закрыл глаза, думая про себя: когда-нибудь я вернусь в императорский дворец и тогда уж разберусь с этим наглецом как следует.

— Эта рабыня Бай Цзи приветствует почтенных гостей.

В этот момент к двери приблизился перестук деревянных сандалий, затем занавеска с бусинами раздвинулась, и вошла женщина. Одевание её было белее снега, лицо — без единой краски, брови тонкие, словно далёкие горы. Из украшений в волосах — лишь одна шпилька с цветком баухинии. В руках она держала лютню с хвостом феникса. Поклонившись, она села на стул перед нами.

Её взгляд упал на меня, глаза вспыхнули, и она кивнула:

— Какую мелодию желает услышать господин?

— «Ночное шествие в парче».

Бай Цзи мгновенно поняла мой намёк, с лёгкой улыбкой поднялась:

— Эта мелодия не простая, для неё нужен аккомпанемент. Пожалуйста, подождите немного, я распоряджусь.

Я махнул рукой:

— Ступай, только не затягивай. Времени у нас в обрез.

Бай Цзи кивнула и вышла. Я знал, она пошла готовить мой побег из города. Но прежде мне нужно было отвязаться от этого волчонка. Какими бы хорошими ни были наши отношения, не факт, что он поможет мне бежать.

Лучше всего было его напоить.

Решив так, я улыбнулся сидящему напротив Сяо Ду, поднял бокал и чокнулся с ним:

— Пока Бай Цзи не вернулась, давай, дядя с племянником, как-нибудь развлечёмся?

Сяо Ду приподнял бровь:

— Какое развлечение? Говорите, дядя.

Я постучал по столу, велел принести доску для шахмат Гуй. Доска была квадратной, с рельефным узором, фигуры изображали солнце, луну и звёзды — всего двадцать восемь штук, по четырнадцать красных и чёрных, плюс игральная кость. Правила этой игры были изменчивы, она требовала не только мастерства, но и удачи, напоминая азартную, отчего была особенно увлекательной. В детстве я часто играл в неё с братьями от других жён и всегда выигрывал. Но став императором, я лишился достойных соперников.

Я взял красную фигуру и первым поставил её на доску:

— Ну что, играл в такие шахматы?

Сяо Ду последовал моему примеру, взяв чёрную фигуру:

— Естественно... играл.

Я остановил его руку:

— Не спеши. Проигравшего ждёт наказание.

В уголке губ Сяо Ду промелькнула заинтересованная усмешка:

— Какое?

— Вино. — Я налил себе полный бокал и отпил. — Кто потеряет фигуру, тот выпивает три бокала.

Сяо Ду не выказал ни тени сомнения, будто был полон уверенности. Он поставил фигуру:

— Хорошо, пусть будет по-вашему, дядя.

Я внутренне усмехнулся. Парень хоть и одарённый, но против меня в шахматах ему ещё рановато.

Я рассчитал, что он, горячий и амбициозный, будет нападать, и потому избрал оборонительную тактику, притворившись слабым. Проиграв три раза подряд, я заманил его в ловушку. Когда я изобразил лёгкое опьянение, а он уже потирал руки в предвкушении победы, я перешёл в контратаку, сметая всё на пути, и за один раз лишил его двенадцати фигур, не оставив шансов на ответный удар. Ему пришлось выпить тридцать шесть бокалов, опустошив три целых кувшина вина.

Я, улыбаясь, поддразнил его:

— Похоже, тебе, Дуэр, нужно ещё потренироваться.

Сяо Ду, не желая признавать поражение, выпрямился:

— Ещё раз.

Боясь показаться смешным, во второй партии он играл ещё осторожнее, выверяя каждый ход. Но шахматы Гуй — не обычная игра: чем сильнее жаждешь победы, тем легче проиграть. Здесь нужно быть как азартный игрок, идти ва-банк. В итоге он снова потерпел сокрушительное поражение. Он напился до того, что глаза затуманились, лицо покраснело, речь стала невнятной, но он всё ещё умолял научить его премудростям игры. Видя, что он уже достаточно пьян, я открыто начал подливать ему вина, объясняя приёмы и заставляя выпить по кувшину после каждого урока, пока он не рухнул на стол без сознания.

Я окликнул его пару раз, но реакции не было. Выждав момент, я позвал служанку, чтобы та отнесла его на ложе. Но едва Сяо Ду оказался на кровати, как схватил служанку за руку и пробормотал:

— Дядя...

Увидев, как растерянная служанка оказалась на ложе, я нахмурился и вышел.

Лишь переступив порог комнаты, я вспомнил, что мне нужно кое-что взять у Сяо Ду. Если в городе объявят комендантский час, для выхода понадобится пропуск. Будучи наследным принцем, он должен был иметь при себе нефритовую табличку, дающую право свободного прохода.

Я поспешно вернулся и увидел, что служанка уже свалилась с ложа, а Сяо Ду лежал на спине, казалось, погружённый в сон. Я, не зная, смеяться мне или плакать, отпустил служанку жестом. Присев рядом, я осторожно раздвинул полы его одежды — и невольно ахнул. Его мускулистая грудь была покрыта испариной, а волчий родовой знак на ней светился смутным багровым светом, словно пламя, готовое вырваться наружу, отчего кожа казалась потрескавшейся.

Сдержав порыв прикоснуться, я нащупал потайной карман внутри одежды и обнаружил плоский твёрдый предмет. Засунув два пальца внутрь, я убедился — это была его табличка. Я сунул её за пояс и приподнялся, но вдруг рукав натянулся. Сердце ёкнуло: этот пьяница перевернулся и, ухватив мой рукав, принялся его обнюхивать, точно волк, вцепившийся в добычу. Его густые брови были сдвинуты, длинные ресницы трепетали, но глаза не открывались. Видимо, он ещё не проснулся. Я с облегчением вздохнул, дёрнул за рукав, но он не поддавался.

— Дядя... дядя... я... вы мне нравитесь.

Услышав это, я замер. Когда я встал, он лишь крепче сжал рукав:

— Кроме вас, в этом мире никто по-настоящему обо мне не заботится. Вы сказали, что я неповторим... вот я и хочу стать неповторимым, чтобы оправдать ваши ожидания.

Я остолбенел. Не ожидал, что моя пустая лесть, сказанная, чтобы его ублажить, так глубоко засела ему в душу, стала золотыми словами, даже превратилась в убеждение. Он считал меня единственным, кто о нём заботится, не ведая, что я всегда лишь использовал его, строил расчёты. Я спасал его, учил, проявлял заботу — и всё это лишь ради себя.

Но я не предполагал, что этот парень влюбится в собственного дядю.

С этими мыслями в моей холодной груди будто образовалась трещинка, и я почувствовал лёгкое сожаление. Но это сожаление было ничтожно по сравнению с теми тысячами ли* моих владений, которых я жаждал.

Я потрепал его растрёпанные кудри. Внезапно он показался мне не волком, а брошенным бродячим псом. Я невольно улыбнулся, вытащил кинжал из-за его пояса, занёс руку и одним движением рассек рукав.

Звук рвущейся ткани стих, свеча погасла, комната погрузилась во тьму — точно прекрасный сон разбился вдребезги.

— Ладно, это я тебя подвёл. Наши отношения дяди и племянника на этом заканчиваются. Не держи на меня обиду.

Бросив эти слова, я, не оглядываясь, вышел в развевающихся одеждах.

В полночь.

Я вместе с Бай Цзи и её людьми тайно покинул Башню Дихуа. Переодевшись в труппу заезжих артистов, мы планировали выйти через северные ворота Мяньцзина, добраться до реки Ложи, переправиться на лодке и затем уйти в горы, чтобы сбить погоню со следа.

<http://bllate.org/book/15952/1426388>